

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-12-23>

**«Законные интересы»: традиционный взгляд
(позитивистская интерпретация) и оценка
в контексте естественно-правовой природы прав человека**

Червонюк Владимир Иванович

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. В теоретической юриспруденции и юридической практике понятие «законные интересы» в значительной мере сохраняет правовую неопределенность. Данное понятие приобрело категориальное значение в условиях господства в юриспруденции методологии позитивизма, с позиции которой только закрепление прав в законодательстве предоставляет их носителям юридическую возможность полноценной их реализации и защиты. Введенное в оборот представителями юридического позитивизма понятие «законные интересы» приобрело и специфическое значение: это те интересы, которые подлежат правовой охране и защите, но не в той мере как это характерно для интересов, удовлетворение которых связано с предоставлением их носителю субъективного права. Ценность такого понимания оказывается незначительной.

В широком, конституционно-правовом, смысле охраняемые правом интересы, или правовые интересы (не «законные интересы»), — это те же права, но права «не вызревшие», юридически не признанные, но отличающиеся легитимностью и социальной значимостью. С течением времени и под влиянием определенных факторов правовые интересы вследствие укоренения в общественной практике или законодательного оформления переходят в разряд «полноценных» прав. Презюмируется, что в юридическом инструментарии «законные интересы» выполняют (замещают) функцию специально-юридического механизма (инструмента) защиты той части социально приемлемых интересов, которые не опосредованы в форме субъективных прав. С этой точки зрения законодателю важнее стремиться не к тому, чтобы все новые интересы были переведены в разряд субъективных прав, что практически невозможно сделать (национальное право в этом случае приобрело бы необозримый характер с плохо выраженными регулятивными началами); важнее снабдить конституционную систему эффективными механизмами охраны и защиты всех сколько-нибудь значимых социальных интересов. Такой подход наиболее полно отвечает главной конституционной клаузуле — признанию личности, ее прав и свобод высшей ценностью общества.

Ключевые слова: субъективное право, охраняемые законом интересы, социальные притязания, правовые интересы, юридическая форма существования интереса, процессуальный механизм защиты интересов

Для цитирования: Червонюк В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 12—23. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-12-23>.

Original article

**“Legitimate interests”: traditional view (positivist interpretation)
and assessment in the context of the natural-legal nature of human rights**

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russian Federation, v.chervonyuk@yandex.ru

© Червонюк В. И., 2022

Abstract. In theoretical jurisprudence and legal practice the concept of “legitimate interests” to a large extent retains legal uncertainty. This concept has acquired categorical meaning in the conditions of domination in jurisprudence of positivism methodology, from the position of which only the fixation of rights in the legislation gives their bearers the legal possibility of their full-fledged realization and protection. Introduced into circulation by the representatives of legal positivism, the concept of “legitimate interests” also acquired a specific meaning: these are the interests that are subject to legal protection and defense, but not to the extent that is typical for interests, the satisfaction of which is associated with the provision of their bearer of subjective right. The value of this understanding turns out to be insignificant.

In a broad, constitutional-legal sense, legally protected interests (not “legitimate interests”) are the same rights, but rights that have not “matured”, not legally formalized as a subjective right; it is also the legal form of the existence of an interest and the right corresponding to it. Over time and under the influence of certain factors, legal interests, as a result, of taking root in public practice or legislative registration, pass into the category of “full-fledged” rights. It is presumed that in the legal toolkit, “legal interests” perform (replace) the function of a special legal mechanism (tool) of protection of the part of socially acceptable interests that are not mediated in the form of subjective rights. From this point of view, it is more important for the legislator not to strive for all new interests to be relegated to the category of subjective rights, which is practically impossible to do (national law would then acquire an indefinite character with poorly expressed regulatory principles); it is more important to equip the constitutional system with effective mechanisms for the protection and defense of all social interests of any significance. This approach best meets the main constitutional clause — the recognition of the individual, his rights and freedoms as the highest value of society.

Keywords: subjective law, legally protected interests, social claims, legal interests, the legal form of the existence of interest, the procedural mechanism for protecting interests

For citation: Chervonyuk V. I. “Legitimate interests”: traditional view (positivist interpretation) and assessment in the context of the natural-legal nature of human rights. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 12—23 (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-12-23>.

Постановка проблемы. Теоретическая конструкция законного интереса является специфичной для отечественной юридической науки. Активное обращение к исследованию данного феномена приходится на 80-е годы прошлого столетия [1; 2] (в предпринятом специальном исследовании В. В. Субочев несколько преувеличивает то значение, которое, как он утверждает, в истории правовой мысли, включая отечественный период развития правовой науки, придавалось исследованию проблемы законных интересов). К анализу проблемы обратились прежде всего представители государственного и общей теории государства и права. В новейшее время проблема исследуется преимущественно с позиции общетеоретического анализа, что, собственно, повлияло на ее оценки: «законные интересы» рассматриваются вне связи с категорией прав человека, им придается значение, не соответствующее действительному их смыслу. Соответственно, его (данного концепта) «деюридизация», начатая в предшествующий период развития отечественной юридической науки, по-прежнему ощутимо сказывается на результатах теоретического осмысления. Представители отраслевых юридических наук, несмотря на частое обращение к

сопредельной проблематике, как правило [3], некритично заимствуют выводы и оценки из государственного и общетеоретических работ; при этом специально-юридический контекст феномена законных интересов ими не затрагивается, акцент смещается в сторону исследования проблемы обеспечения средствами правоохраны тех или иных интересов (которые почему-то обозначаются «законными интересами») [4—8]. При таком подходе рассматриваемый концепт утрачивает присущую ему понятийную определенность и самостоятельное значение в инструментарии юридической науки. Несмотря на действительно полезные в этой связи работы (Н. В. Витрук, Р. Е. Гукасян, Н. С. Малеин, Н. И. Матузов, А. В. Малько, В. В. Субочев, Н. А. Шайкенов и др.), уточнение «статуса», места и роли концепта законных интересов в правовом инструментарии, а вместе с этим — оптимизация действия права, обеспечение всей системой публичной власти реализуемости гражданами и их объединениями конституционно гарантированных прав и свобод — остается актуальной задачей современной юридической науки. При этом, оставаясь в плену прочно укоренившейся в современной отечественной юриспруденции «старой» методологии, связанной

с этим чрезмерной деюридизацией проблемы, равно как и отвлеченной оценкой интересов вне связи с природой права и правами человека, новое знание, ориентированное на современную правовую реальность, получить невозможно. Очевидно, что исследование проблемы должно быть переведено на иной уровень анализа.

В этой связи по меньшей мере два обстоятельства должны быть положены в основу переосмысления феномена законных интересов; это, во-первых, использование современной методологии права, исключающей абсолютизацию ортодоксально-позитивистских оценок интеракций интересов и права и одновременно ориентирующей исследователя относительно исследуемой доказанной доктриной и подтвержденной практикой идее генетической их (интересов и права) связи, имеющей закономерный вне времени и пространства характер (с точки зрения современного правопонимания интерес составляет содержание всякого права, предшествует ему, обуславливает его существование). Интересы динамичны, право, напротив, консервативно и не поспевает за «быстрым течением» общественной жизни. Объективно поэтому существует противоречие между возникающими социально значимыми и не противоречащими природе права интересами, и возможностями государственно-правового регулирования (нормирования). Чтобы быть реализованными, объективно возникающие интересы должны быть обеспечены средствами права); во-вторых, принципиально важно конструкцию законных интересов исследовать в контексте концепции действующих, или гарантированных (реализуемых и защищенных) прав человека. Игнорирование отмеченных обстоятельств неизбежно влечет за собой «хождение по кругу», не способствует приросту знания и не отвечает потребностям действительной конституционной практики.

Методологические подходы, обозначившиеся в исследовании проблемы. Основной вопрос, с которым связано решение поставленной проблемы, заключается в оценке природы «законных интересов». Обращение к истории данной проблемы указывает не только на отсутствие единства взглядов, но и поляризацию позиций исследователей в данном вопросе.

Как показывает анализ, введенное в юридическую лексику понятие «законных интересов» имело своим назначением обратить внимание на ресурсы правовой системы, которая призвана была гарантировать не только реализацию, охрану и защиту субъективных прав, но и

в определенной мере (гораздо в меньшей, чем это характерно для субъективных прав) обеспечить защиту некоторого класса интересов. При этом в точном соответствии с основными постулатами юридического позитивизма понятием «законные интересы» первоначально охватываются интересы, которые тем или иным образом «затрагивались» действующим законодательством.

Сугубо позитивистский подход к оценке связи интересов и права основывался на том, что право формализовано и дает надежную защиту только тем интересам, которые прямо закреплены в его нормах, либо иным образом отражены в законодательстве. В такой интерпретации проблемы законные интересы — это интересы, не противоречащие закону [9, с. 133—141], «отраженные в законе интересы» [10, с. 34]. Может быть, несколько мягче, но по своей сути совпадающее мнение было представлено в целом ряде других работ, из которых следует, что законные интересы — это все те, которые «попали в правовое поле»; это вытекающие из законодательства, но не являющиеся субъективными правами, притязания лица относительно определенных благ, имеющие в данных условиях юридические механизмы их достижения [11, с. 87 и сл.]. Утверждалось, что правовой признак законного интереса заключается в выражении последнего в норме права, что и обуславливает возможность его юридической защиты [12, с. 165—166, 53]. Соответственно, «законный интерес» проявляет себя, когда он нарушен кем-то, и факт его нарушения является фактом возникновения охранительного правоотношения. Отмечалось, что отраслевым вариантом общетеоретической категории законного интереса может считаться так называемый «затрагиваемый» интерес, на который прямо указывается в законодательстве [11, с. 117 и сл.].

Еще один подход объединяет группу исследователей, которые, находясь на позиции более «мягкого» позитивизма, предельно широко интерпретируют значение законных интересов. Его сторонники исходят из того, что законные интересы — это «интересы, которые не нашли прямого выражения в юридических правах и обязанностях, но подлежат правовой защите со стороны государства» [13, с. 26]; это юридически значимый интерес, основанный на законе, вытекающий из него, одобряемый и защищаемый им, хотя и не закрепленный в конкретных правовых нормах [14, с. 119]; законные интересы — это интересы к благам, которые не гарантированы законом, но и не противоречат ему, а

вытекают из общего смысла законодательства, буквы и духа закона [15, с. 139]. Презюмировалось, что законность интереса означает его правомерность, легальность с точки зрения духа, а не буквы закона [16, с. 112], что об охраняемом интересе может идти речь только в случаях, когда объективное и субъективное право данный интерес так или иначе не опосредовало [17, с. 189]. Все эти авторы термину «законные интересы», как правило, предпочитали лексему «интересы, охраняемые законом». Попытки уже в новых условиях использовать указанные понятия — «законные интересы» и «охраняемые законом интересы» — как равнозначные [18] не корректны, не соответствуют тем реалиям, которые отражают каждое из них [19, с. 116].

При оценке отмеченных подходов обращает на себя внимание следующее. И те, и другие авторы понятие «законные интересы» позиционируют с теми реально существующими интересами, которые слабо (тем или иным образом, но опосредованно) выражены в законе либо же включают и иные интересы, характеризуя их как интересы, охраняемые законом.

В иной парадигме (с позиции конституционного правопользования) в конструкции правовых интересов усматриваются иные коннотации. В широком, конституционно-правовом, смысле обеспечиваемые (и охраняемые, в том числе) правом интересы, или правовые интересы (не «законные интересы»), — это те же права, но права «не вызревшие», юридически не признанные, но отличающиеся легитимностью, мультиплицированностью (способностью к «размножению») и социальной значимостью. В том смысле, что такие интересы опосредованы фундаментальными, конституционно охраняемыми ценностями.

В указанном смысле весь спектр интересов, находящихся в зоне действия права, целесообразно обозначать термином «правовые интересы», которые одновременно следует позиционировать и как правообразующие интересы. Как абстрактно-правовая конструкция выражения согласованного (общего) интереса всех субъектов в регулируемой сфере общественной жизни (отдельном сегменте действия права), правообразующий интерес — это такой средне-взвешенный (потому и общий, или всеобщий — общий для всех) интерес, в рамках которого различные (личные, групповые, коллективные и другие специфические) интересы социальных субъектов могут быть учтены и согласованы в аспекте одинаково справедливой (социально приемлемой в конкретных условиях) для всех

общеправовой позиции. Правовые интересы — это свойство реально существующих социально значимых интересов: это интересы, прямо не закрепленные в нормах объективного права (не выраженные в качестве объективного или субъективного права), но приобретшие характер охраняемых правом (и законодательством) интересов, а равно интересы, имеющие иные формы легитимного признания, которые могут подпадать под квалификацию родового по отношению к ним понятия «правовой интерес». Соответственно, правовыми являются интересы, которые в той или иной форме признаны правом и обеспечены механизмами правовой защиты. Легитимация правовой системой правовых интересов в качестве объектов конституционно-правовой охраны согласуется с естественным характером основных прав и свобод человека и гражданина, отвечает природе права, действию общедозволительного типа правового регулирования [16, с. 86—93].

Как справедливо отмечается в компетентной литературе, отсутствие прямого упоминания в нормах права об интересах не исключает ни наличия таковых, ни возможности их государственной защиты в качестве «законных» (Н. В. Витрук). В указанном смысле, если не догматизировать понятие «законных интересов», рассматривая его в значении действительных интересов, или охраняемых законом интересов, то необходимо обратить внимание на «близость», «родство» «законных интересов» с основными (не конституционными, не позитивированными в Основном законе страны) правами и свободами, которым также в большинстве случаев противостоит лишь общая обязанность, вытекающая из природы общерегулятивного правоотношения. Близость рассматриваемого феномена к конституционным правам определяется и тем, что «законные интересы» позиционируют те интересы к благам, которые не гарантированы законом, но и не противоречат ему, а вытекают из общего смысла законодательства, «буквы» и «духа» закона, общей (конституционной) правосубъектности личности. В этом смысле «законные интересы» можно считать разновидностью, в том числе основных прав. Такое предположение находит подтверждение в тексте Основного закона страны: в части 2 статьи 36 и части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

С течением времени и под влиянием определенных факторов «законные интересы» вследствие укоренения в общественной практике или законодательного оформления переходят в

разряд «полноценных» прав. Так, право каждого на судебную защиту — одно из важнейших процессуальных прав — является традиционным в конституционной системе прав и свобод. Конкретизирующие данное право и первоначально выступавшие как «законные интересы» — право на доступ к правосудию, право на справедливое судебное разбирательство, право на эффективное средство правовой защиты, право на исправление судебных ошибок — с принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, имплементацией конвенциональных норм во внутригосударственное право стали составной частью действующей национальной (конституционной) системы прав и свобод. Соответственно, существовавшие в форме правовых интересов социальные притязания граждан получили юридическое признание в форме конституционных процессуальных прав, или субъективных публичных прав [20, с. 418—421]. Таким образом, в представленном понимании «законные интересы» сближаются с конституционными правами и свободами, которым, как верно обращено внимание, также в большинстве случаев противостоит лишь общая обязанность, вытекающая из природы общерегулятивного правоотношения.

Следовательно, многие законные интересы не только не становятся, но, по-видимому, и не должны становиться субъективными правами. «Законные интересы» — это не «предправа» (предтеча субъективного права), как это постулировалось в компетентной литературе (Н. И. Матузов, Н. В. Витрук); лишь при определенных обстоятельствах некоторые из них могут приобрести качество субъективных прав. Отсюда следует, что среди «законных интересов» есть такие, которые по своей природе не превращаются в субъективные права: в законодательстве и в правовой системе достаточно инструментов для реализации «представляемых» ими интересов. Но есть и такие «законные интересы», которые имплицитно предрасположены к субъективным правам. Однако не всегда проблема подобного преобразования связана с особенностями конструирования правового инструментария, она, в том числе, — метаюридическая. Интерес всегда претендует на определенное благо, присвоение которого основано на привлечении финансовых, организационных и иных ресурсов, предоставление которых носителю данного интереса не всегда под силу и обществу, и государству. Интересы, как и стоящие за ними ценности, имеют разный вес (силу) — это как первоочередные, так имеющие и более

отдаленное значение. Соответственно, их обеспечение основано по принципу предпочтений (социальной значимости, ценности).

В этой связи в современной правовой действительности требует уточнения общеизвестное и своеобразное понятие исследователями проблемы высказывание Н. М. Коркунова о том, что «все, на что лицо имеет право, дозволено, но не на все дозволенное оно имеет право» [21, с. 149]. С точки зрения конструкции прав человека цитируемое безупречное по дизайну суждение все же оказывается неточным по существу (хотя остающиеся на жестко позитивистской платформе юристы, может быть, и солидарны с таким умозаключением). Между тем в конституционно-правовом измерении сфера дозволенного одновременно есть и сфера действия прав человека. С учетом отмеченного очевидно, что современный тип (теоретическая конструкция) правопонимания и соответствующая ему модель организации законодательной деятельности не могут отвлекаться от закономерных взаимосвязей права и интересов. Если государство стремится к тому, чтобы регулятивный потенциал права не сводился исключительно к формам принудительного обеспечения поведенческих актов людей, в содержании принимаемых законов должны получать воплощение (объективироваться) жизненно важные интересы, реализация которых имеет объективное основание. В ином случае право рискует превратиться в абстрактно умозрительный регулятор, никак не связанный с реальной жизнью, а сила права будет подменена силовыми акциями государства по обеспечению его действия [22, с. 37 и сл.].

Интересы и право, право и интересы: специально-юридический контекст. Словосочетание «права и законные интересы» прочно вошло в юридическую лексику и, похоже на то, что оно буквально (что не свойственно смыслу конституционных понятий) воспринято законодателем, судебной практикой в значении тех интересов, которые подлежат конституционно-правовой охране. И лингвистически (с точки зрения конституционной герменевтики), и специально-юридически (с точки зрения телеологического истолкования) данное словосочетание требует уточнения, имея в виду то обстоятельство, что установления, в которых содержится приведенное словосочетание, структурно представлено в главе о правах и свободах человека и гражданина.

Общепризнанно, что права и свободы с формально-юридической точки зрения узаконивают, легализуют социально значимые интересы.

В этом смысле юридически признанный интерес получает всеобщее признание в форме закона. Наиболее приемлемой формой перевода сформулированного в законе права в реальное поведение (юридической формой бытия интереса) является субъективное право — специфическое юридическое средство, или «власть осуществлять свой интерес» (Г. Ф. Шершеневич) [23, с. 607—608]. Юридическая власть носителя субъективного права проявляется в том, что управомоченное лицо пребывает в особом правовом состоянии — оно состоит в конкретной юридической связи с правообязанным (это равнозначно тому, что субъективному праву корреспондируется юридическая обязанность), а значит, может потребовать от правообязанного лица соответствующего поведения.

Понятно, что далеко не все интересы могут быть реализованными через субъективное право, а «наличность интереса еще не создает права... пока заинтересованному не предоставлена власть» [23, с. 607—608; 24; 25, с. 82]. Вывод крупного российского правоведа (воспринимаемый иногда в качестве юридической аксиомы) в действительности не означает, что сфера дозволенного в правовой системе и в обществе исчерпывается субъективными правами, «она гораздо шире». Отсюда следует, что отсутствие прямого упоминания в правовых установлениях об интересах не исключает как их существования, так и возможности государственно-правовой защиты. Значит, кроме субъективного права, существуют иные юридические формы (способы) признания интересов и обеспечения их реализации (удовлетворения). Одной из юридических форм законодательно признанных интересов является конструкция «законного интереса». Поскольку, согласно части 1 статьи 55 Конституции, «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина», то возникает вопрос относительно юридической природы как «законных интересов», так и иных интересов, имеющих легитимные формы признания. С этим связано определение властных возможностей носителя законного интереса.

Креативная правовая доктрина — учение, не подверженное колебаниям постмодерна, равно как и агрессивно наступающей цифровой эпохе, исходит из того непреложного постулата, что динамизму общественной жизни невозможно предпослать нормативно-юридическую опосредованность мультиплицируемых им (данным

процессом) связей и отношений. Современные (компетентные) оценки проблемы указывают на то, что подобная реакция управляющих систем входила бы в противоречие с закономерностями действия права. Очевидно, что правовая система страны должна быть предрасположенной к тому, чтобы всякий раз при возникновении социально значимых интересов одновременно были бы активированы в ней инструменты охраны таких интересов, а при наличии соответствующих к тому фактических предпосылок обеспечивалась бы и их реализация. Именно для этих целей в инструментальном арсенале современного права существуют специально-юридические средства и механизмы, в том числе субъективные права и «законные интересы».

В этой связи методологически ошибочно отождествлять понятия «законного интереса» и интересов, подлежащих охране правом (законом), или, как уже отмечалось, правовых интересов [26]. Это сущности разного порядка; соответственно, подмена таких понятий создает путаницу не только в теории (вообще, считать, что все интересы, так или иначе связанные с правом и не опосредуемые субъективными правами, охватываются содержанием «законных интересов», представляется явным преувеличением. Очевидно, что в данном случае понятие «законного интереса» неоправданно социологизируется, утрачивая тем самым присущий ему специально-юридический смысл — инструмента обеспечения социально значимых интересов), но и в конституционной практике, порождая множество неясностей.

В действующей Конституции Российской Федерации словосочетание «законный интерес» употребляется в части 2 статьи 36 и в части 3 статьи 55. При этом конструктивно лексему «законные интересы» конституционный законодатель применяет исключительно в связке с понятием «иных», «других» «прав», притом в той последовательности, как это следует из упомянутых положений Основного закона: «прав и законных интересов иных лиц» (ч. 2 ст. 36), «прав и законных интересов других лиц» (ч. 3 ст. 55). Тем самым обращается внимание, если не на их («прав» и «законных интересов») однопорядковость, то, во всяком случае, на принадлежность к одному классу конституционно-правовых феноменов: посредством и конституционных прав, и конструкции законного интереса обеспечивается реализация, охрана и защита реально существующих интересов (ценностей), которые составляют основу всякого конституционного права и «законного интереса». Различие

состоит в характере такой обеспеченности, имея в виду, что факт признания (не обязательно формально-юридически) конституционного права придает ему качество субъективного публичного права [27, с. 512 и сл.]. «Законные интересы» данного качества не приобретают, притом что они подлежат конституционно-правовой охране и защите.

Еще одно не менее значимое обстоятельство связано с определением инструментального значения концепта «законные интересы». Изменившиеся социально-правовые условия (среда действия права) требуют и иного отношения к некогда укоренившимся подходам. Право, как это можно считать доказанным [28, с. 113 и сл.], формируется интересами, а до признания последних в законе — дистанция огромных размеров. Этот путь разные интересы проходят по-разному. Но уже с того момента, как они заявили о себе, приобретая качества правового интереса, — интереса, отвечающего природе права и существу права, они подлежат защите со стороны правовой системы и закона в частности. Именно в этом смысле ключевое значение должны приобрести «законные интересы» — один из значимых специально-юридических механизмов «налаживания правовой системы относительно обеспечения существующих, но юридически не признанных социальных интересов, которые изначально, с момента своего возникновения, уже приобрели качество правовых интересов.

«Законные интересы» как специально-юридический механизм обеспечения реализации социально значимых интересов. Как это можно считать доказанным в юриспруденции (отечественной и зарубежной) [29, с. 639, 550—551], право — объективное и субъективное — имеет своим основанием реально существующие сформировавшиеся (и артикулированные) интересы [30, с. 142—157, 550]. Право, опосредующее многообразную общественную жизнь, содержанием которой выступают самые разные по значению, содержанию, направленности интересы, способно вовлечь в орбиту своего воздействия социально значимую часть интересов. При этом часть таких интересов позитивирована или получает юридическое признание, то есть непосредственно выражена в действующем позитивном праве (законодательстве). Юридической формой реализации таких интересов выступает субъективное право. Однако довольно значительная часть интересов лишь самым общим образом получает признание в праве. Реализация таких интересов признается

допустимой или желательной для государства (общества) и правовой системы страны. В силу разных причин (в немалой степени социально-экономических, незавершенности внутренних процессов саморазвития интересов, их неструктурированности и др.) интерес не получает закрепления в законе, следовательно, его выражение в субъективном праве также оказывается невозможным. Таким образом, объективно складывается ситуация, при которой включенный в систему правовых связей (правовое общение) социальный субъект не обладает гарантированными возможностями реализации своего интереса в той мере, в какой это обычно характерно для носителей субъективного права.

Как известно, юридическое содержание субъективного права предполагает такие правомочия, использование которых гарантирует реализацию (удовлетворение) интереса, составляющего «материальную» основу данного субъективного права. Это юридически удостоверенная возможность (правомочие) собственного (дозволенного) поведения; гарантированная законом возможность требовать соответствующего этой возможности поведения обязанных лиц, а следовательно, предусмотренная законом модель поведения юридически обязанной стороны; это также правомочие на защиту, то есть право требовать принудить обязанную сторону к соответствующим действиям, поведению. К этим же составляющим причисляют и право на приобретение того блага, которое вытекает из данного субъективного права. Таковую модель реализации определенной разновидности интересов цивилисты метко охарактеризовали «правом в кармане».

В то же время вопрос о юридическом содержании «законного интереса» остается открытым. У носителя «законного интереса» — интереса, не обеспеченного субъективным правом, есть только в установленных пределах права на дозволенное поведение, что согласуется с общедозволительным типом правового регулирования и конституционно определенными целями (ч. 1 ст. 15, ст. 18 Конституции Российской Федерации), конкретизированными в отраслевом законодательстве. Этой позиции придерживаются в своей практике Европейский суд по правам человека и Конституционный суд Российской Федерации. В указанном смысле «законный интерес» — это некая (формально-юридически не гарантированная) возможность приобрести благо, которая носит вероятностный характер, зависит от многих обстоятельств. Техничко-юридическая особенность выражения

«законного интереса» такова, что, не будучи конкретно определенным в законодательном тексте, он, вместе с тем, указывает на тот класс интересов, которые находятся в «правовом поле (в сфере действия права): пределы правомочий «законного интереса» четко не сформулированы в конкретных правовых нормах, а вытекают из совокупности правовых норм, действующих исходных правоположений (Н. В. Витрук); юридическая определенность «законного интереса» выражается в том, что он не противоречит закону, а значит, отсутствуют запреты на ограничение действий, поведения; представляя собой «простую правовую дозволенность» (А. В. Малько), вытекающую из общих начал и смысла законодательства, «законный интерес» реализуется только при наличии соответствующих фактических предпосылок. Поскольку «законному интересу» прямо не корреспондируются чьи-либо обязанности, то носитель такого интереса обладает ограниченными правовыми ресурсами (правомочиями): он не вправе требовать должного поведения от обязанных лиц, а лишь обладает возможностью защищать нарушенный интерес в рамках охранительного правоотношения.

Следовательно, и субъективные права, и законные интересы — это в определенном смысле концепты одного порядка: такие юридические конструкции, которые представлены набором правовых средств (нормативных и индивидуально-правовых, материальных и процессуальных, регулятивных и охранительных), юридических форм обеспечения реализации соответствующих им интересов, гарантировать получение их (интересов) носителями определенного (субъективным правом или «законным интересом») блага. В указанном, специально-юридическом, смысле можно согласиться с утверждением Н. С. Малеина, рассматривающего законные интересы в качестве содержания правоспособности: «законные интересы входят в понятие и содержание правоспособности и ее отдельных элементов» [31, с. 17 и сл.; 32]. Действительно, нормы права обязательно тем или иным способом выражают, затрагивают интересы всех без исключения субъектов права. Правоспособность как элемент правосубъектности предполагает, что носитель интереса так или иначе вовлекается в зону действия права и тем самым его действия и поступки, обусловленные необходимостью «действовать в своем интересе», приобретают юридически значимый характер [33, с. 33 и сл.]. Причем это характерно как для участников гражданского оборота, так

и непосредственно касается публично-правовых органов и должностных лиц, наделяемых компетенцией. Можно сказать, что закрепление правоспособности юридически удостоверяет наличие у лица определенных интересов, тем или иным образом признаваемых правом. Следовательно, признание за субъектом права правоспособности есть признание гипотетической возможности существования у этого субъекта различных интересов.

Определение юридического состава законных интересов также важно, как это характерно для субъективных прав. В этой связи оценка понятийной определенности «законного интереса» как «простой дозволенности» (А. В. Малько) или «средства выражения правовых интересов» (М. В. Першин), «правового средства» (В. В. Субочев), безусловно, методологически значима. Тем не менее набор содержательных юридических компонентов (юридического состава) «законных интересов» принципиально важен, поскольку с этим обстоятельством связана идентификация их аналогов (определенной группы социальных интересов) в реальной действительности. В этом вопросе, как показывает анализ, специальная литература не отличается основательностью.

В самом первом приближении при определении юридического состава «законных интересов», как представляется, необходимо исходить из того, что «законные интересы» — это разновидность прав особого свойства: они, как это презюмируется, непосредственно не закрепляются в законодательстве, а вытекают из смысла и содержания взаимосвязанных правоположений закона; отсутствуют конкретные специально-юридические средства их реализации; реализация таких прав не обусловлена конкретными юридическими обстоятельствами, содержащимися в гипотезах правовых норм, а следовательно, непосредственно на их основе не возникают относительные (отраслевые) правоотношения регулятивного характера. Верно то, что признание интереса в той или иной форме правом не переводит его в разряд субъективных прав. Это состояние дозволенного, которое чаще всего (как правило) выражается в предоставлении носителю такого интереса (права) только мер правовой охраны и защиты в случае возможного его нарушения.

Очевидно также, что предпосылкой (основой) установления юридического состава «законных интересов» следует считать обособление в общей структуре охраняемых правом интересов (правовых интересов) класса интересов,

удовлетворение которых не обеспечивается субъективным правом. В специальной литературе к числу этой группы интересов относят следующие: а) которые не противоречат закону [34, с. 138—144], б) которым корреспондируют прямо чьи-либо обязанности; в) носителю интереса представляется не юридически определенная мера возможного поведения (которая позволяет требовать должного поведения от обязанных лиц), а лишь возможность защищать нарушенный интерес в рамках охранительного правоотношения. Отмечается, что все такие интересы охватываются содержанием «законных интересов» или, иначе говоря, для их реализации применимы специальные правовые средства, не свойственные для субъективного права. С таким выводом можно согласиться лишь отчасти и с определенными оговорками, имея в виду следующее: во-первых, строго говоря, оценка интереса как законного (соответствующего закону) или незаконного (не соответствующего закону) не вполне корректна и не соответствует природе интереса: законными / незаконными могут быть цели удовлетворения данного интереса, те средства, которые носитель интереса избирает для достижения целей, связанных с удовлетворением интереса; во-вторых, предложенные критерии все же достаточно общие для оценки рассматриваемого класса интересов.

Как показывает анализ проблемы, методологически важным обстоятельством, с которым следует связывать обнаружение «законных интересов» (соответственно, их определение в законе), является установление в законе пределов тех прав (правомочий), которые предоставляются носителю таких интересов. Можно сказать, что титульной особенностью юридического состава (конструкции) «законного интереса», в отличие от субъективного права, является отсутствие в законе четко установленных пределов юридически возможного поведения как носителя такого интереса, так и его предполагаемых контрагентов. Собственно, модель поведения той категории носителей интересов, которые подпадают под квалификацию «законных интересов», можно сконструировать не на основе юридически определенных установлений (установления), а с учетом взаимосвязанного анализа их множества, представленных в основном в так называемых исходных (общих) установлениях, то есть в принципах, целях, ценностях права, дефинициях, а также и в нормах права (конкретных правовых предписаниях). Правовая неопределенность, можно сказать, изначально присуща правовой основе законных интересов.

Выводы. Как это следует из проведенного анализа, конструкция законных интересов указывает на возможности использования государством ограниченных ресурсов для удовлетворения правового интереса (интереса, связанного с удовлетворением конкретно существующих потребностей отдельного человека, общностей людей), не подпадающего под квалификацию субъективного права. Понятно, что обоснование юридических форм идентификации «законных интересов» — задача принципиальной значимости, в равной мере как для современной науки, так и для практики — законодательной, правоприменительной, правоохраны.

Признание Основным законом страны естественного и непосредственно действующего характера прав человека (ст. 18 Конституции Российской Федерации), казалось бы, делает излишним конструкцию «законного интереса» или существенно ослабляет придаваемое ему прежде значение. В этой связи особый интерес представляет понимание феномена «законный интерес» как специально-юридической конструкции, квалифицируемой исключительно или преимущественно как специально-юридический механизм обеспечения реализации прав и свобод. В условиях ограниченных правовых ресурсов наличие данного механизма позволяет правоприменителю создавать юридически благоприятные условия для удовлетворения самых различных правовых интересов. Отсюда «законные интересы» выполняют (замещают) в юридическом инструментарии функцию специально-юридического механизма защиты той части социально приемлемых интересов, которые не опосредованы в форме субъективных прав. С этой точки зрения законодателю важнее стремиться не к тому, чтобы все новые интересы были переведены в разряд субъективных прав, что практически невозможно сделать (национальное право в этом случае приобрело бы необозримый характер с плохо выраженными регулятивными началами); важнее снабдить конституционную систему эффективными механизмами охраны и защиты всех сколько-нибудь значимых социальных интересов. Такой подход наиболее полно отвечает главной конституционной клаузуле — признанию личности, ее прав и свобод высшей ценностью общества.

Принципиально важно обстоятельство, на которое в исследовании проблемы «законных интересов» как-то не обращается внимание. Речь идет о предельных возможностях субъективного права и «законных интересов». Как

показывает исследование проблемы, субъективное право и «законные интересы» не покрывают всех возможных юридических форм и правовых средств реализации существующего многообразия интересов. Иная оценка означала бы, что уже получившие закрепление в законодательстве средства и механизмы обеспечения социально значимых интересов достаточны для обеспечения их реализации, что в действительности, конечно же, не так. Можно предположить, что в отношении интересов, реализация которых может быть обеспечена посредством субъективных прав и «законных интересов», действующее законодательство уже располагает необходимым набором юридических средств их удовлетворения. Что же касается иных интересов, не относящихся к классу отмененных (это большая часть в структуре социальных интересов), то действующее законодательство (позитивное право) может ими не располагать или они не квалифицируются как эффективные правовые средства; в то же время такими правовыми средствами и механизмами располагают правовые системы (частью которых является законодательство) национального и наднационального уровней. Прерогатива обнаружения и выбора права в этих условиях является главным образом задачей судов; задача науки — обнаружить и обосновать оптимальные способы поиска права в таких правовых ситуациях, интерпретация эффективных и достаточных правовых средств, необходимых для организации поведения и деятельности социальных субъектов, коммуницирующих в различных областях общественной жизни, включая их интеракции в заполняющей социально правовое пространство цифровой среде.

Список источников

1. Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М.: НОРМА, 2008.
2. Витрук Н. В. Юридическая природа конституционных прав и свобод // Конституционный статус личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1980. С. 75).
3. Смагина Е. С. Интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 45—75.
4. Цветкова Е. В. К вопросу о защите прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в досудебном производстве по законодательству Российской Федерации и отдельных государств — участников СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 2. С. 15—17.

5. Соловьев В. Ю., Орлова А. В. Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве // Современное право. 2021. № 9. С. 69—75.

6. Соломонов Е. В., Юрицин А. А. Дискуссионные возможности юрисдикционной защиты гражданских прав и законных интересов в рамках законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 18—23.

7. Латынин О. А. Судебная защита законного экономического интереса // Российский судья. 2021. № 10. С. 7—12.

8. Литвинова Т. А. Проблемные вопросы реализации прокурором исковой защиты прав и законных интересов определенного круга лиц (группы лиц) // Законность. 2021. № 10. С. 16—20.

9. Крашенинников Е. А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133—141.

10. Малеин Н. С. Охраняемый законом интерес // Сов. гос-во и право. 1980. № 1.

11. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 87 и сл.

12. См.: Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. С. 165—166.

13. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.

14. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.

15. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982.

16. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1974.

17. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

18. Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М.: НОРМА, 2008.

19. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.

20. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1908. С. 149.

21. Червонюк В. И. Интересы в механизме регулятивного действия права // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2019. № 3 (34). С. 37—49.

22. Шершеневич Г. Ф. Лекции по общей теории права. М., 1910—1912. С. 607—608.

23. Савиньи Ф. К. Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876.

24. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. СПб., 1874.

25. Не устраняет этой неточности оговорка о том, что «законный интерес необходимо рассматривать и как интерес, производную интереса социального,

и как определенное юридическое средство, имеющееся в распоряжении у государства, обусловленное свойствами права и его диалектической природой Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М.: НОРМА, 2008.

27. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях: в 2-х т. Том II. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 588 с.

28. Малахов В. П. Философско-правовые интерпретации проблем современной общеправовой теории: сборник статей. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2021. 519 с.

29. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Колледж де Франс (1968—1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М. К. Ривьер; пер. с фр. Д. Краlechкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2016. 790 с.

30. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях: в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 869 с.

31. Малеин Н. С. Охраняемый законом интерес // Сов. гос-во и право. 1980. № 1. С. 17—34.

32. Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981.

33. Богатырев Ф. О. Интерес в гражданском праве // Журнал российской права. 2002. № 2. С. 33—43.

34. Ядрихинский С. А. Проблемы реализации законных интересов налогоплательщиков // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 138—144.

Refereces

1. Subochev V. V. Legitimate interests / ed. by A. V. Malko. Moscow: NORMA Publ., 2008. (In Russ.)

2. Vitruk N. V. Legal nature of constitutional rights and freedoms. Constitutional status of personality in the USSR. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1980. (In Russ.)

3. Smagina E. S. Interest as a subject of judicial protection in civil proceedings. *Bulletin of the civil process*, 2019, no. 6, pp. 45—75. (In Russ.)

4. Tsvetkova E. V. On the issue of protecting the rights and legitimate interests of juvenile suspects accused of pre-trial proceedings under the legislation of the Russian Federation and individual CIS member states. *International criminal law and international justice*, 2020, no. 2, pp. 15—17. (In Russ.)

5. Solovyov V. Yu., Orlova A. V. Actual problems of protecting the rights and legitimate interests of minors in enforcement proceedings. *Modern law*, 2021, no. 9, pp. 69—75. (In Russ.)

6. Solomonov E. V., Yuritsin A. A. Debatable possibilities of jurisdictional protection of civil rights and legitimate interests within the framework of the legislation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs. *Competition Law*, 2021, no. 3, pp. 18—23. (In Russ.)

7. Latynin O. A. Judicial protection of legitimate economic interest. *Russian judge*, 2021, no. 10, pp. 7—12. (In Russ.)

8. Litvinova T. A. Problematic issues of the implementation by the prosecutor of the claim protection of the rights and legitimate interests of a certain circle of persons (groups of persons). *Legitimacy*, 2021, no. 10, pp. 16—20. (In Russ.)

9. Krasheninnikov E. A. Interest and subjective civil law. *Jurisprudence*, 2000, no. 3, pp. 133—141. (In Russ.)

10. Malein N. S. Legally Protected Interest. *Sov. state and law*, 1980, no. 1. (In Russ.)

11. Vasilyeva M. I. Public interests in environmental law. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2003. (In Russ.)

12. Shaikenov N. A. Legal support of the interests of the individual. *Sverdlovsk*, 1990, pp. 165—166. (In Russ.)

13. Vitruk N. V. Fundamentals of the theory of the legal status of the individual in a socialist society. Moscow, 1979. (In Russ.)

14. Matuzov N. I. Legal system and personality. Saratov, 1987. (In Russ.)

15. Tikhomirov Yu. A. Theory of law. Moscow, 1982. (In Russ.)

16. Patyulin V. A. State and personality in the USSR. Moscow, 1974. (In Russ.)

17. Yavich L. S. General theory of law. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1976. (In Russ.)

18. Subochev V. V. Legitimate interests / ed. by A. V. Malko. Moscow: NORMA Publ., 2008. (In Russ.)

19. Ghukasyan R. E. The problem of interest in Soviet civil procedural law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1971. (In Russ.)

21. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. Saint Petersburg, 1908. (In Russ.)

22. Chervonyuk V. And Interests in the mechanism of the regulatory action of law. *Commercial law. Scientific and practical journal*, 2019, no. 3 (34), pp. 37—49. (In Russ.)

23. Shershenevich G. F. Lectures on the general theory of law. Moscow, 1910—1912. Pp. 607—608. (In Russ.)

24. Savigny F. K. Law of Obligations / transl. from German. V. Fuchs and N. Mandro. Moscow, 1876. (In Russ.)

25. Windshade B. Textbook of pandect law. Vol. 1. General part. Saint Petersburg, 1874. (In Russ.)

26. This inaccuracy is not eliminated by the reservation that "legitimate interest must be considered both as an interest, a derivative of social interest, and as a certain legal remedy available to the state, due to the properties of law and its dialectical nature Subochev V. V. Legitimate interests / ed. by A. V. Malko. M.: NORMA, 2008. (In Russ.)

27. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas: in 2 vols. Vol. II. Theory of constitutional law: comparative legal and regional analysis: monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2021. 588 p. (In Russ.)

28. Malakhov V. P. Philosophical and legal interpretations of the problems of modern general legal theory: collection of articles. Moscow: UNITI-DANA Publ.: Law and Law, 2021. 519 p. (In Russ.)

29. Bourdieu P. On the state: a course of lectures at the College de France (1968–1992) / ed. comp. P. Champagne, R. Lenoir, F. Pupo, M. C. Riviere; per. from fr. D. Kralechkin and I. Kushnareva; foreword A. Bikbova. Moscow: Delo Publishing House, RANEPА Publ., 2016. 790 p. (In Russ.)

30. Chervonyuk V. I. Idea of law and law in ideas: in 2 vols. Vol. I. Theory, philosophy and methodology of law: monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2021. 869 p. (In Russ.)

31. Malein N. S. Legally protected interest. Sov. state and law, 1980, no. 1, pp. 17–34. (In Russ.)

32. Malein N. S. Civil law and individual rights in the USSR. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1981. (In Russ.)

33. Bogatyrev F. O. Interest in civil law. Journal of Russian law, 2002, no. 2, pp. 33–43. (In Russ.)

34. Yadrikhinskiy S. A. Problems of realizing the legitimate interests of taxpayers. Russian Journal of Law, 2020, no. 4, pp. 138–144. (In Russ.)

Информация об авторе

В. И. Червонюк — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 09.06.2022.